

И.А. Трофимов

*Средняя общеобразовательная школа № 147 Красногвардейского района
г. Санкт-Петербурга*

**ПРИЧИНЫ И ИСТОРИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РУССКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ
В СОСТАВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III**

В отечественной историографии подробно разобран вопрос истории образования Финляндии в составе Российской империи. Однако изучение истории и причин включения русских учебных заведений в Великом княжестве Финляндском в состав Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III не стало предметом специального исследования. В статье рассмотрены и систематизированы причины, а также история включения русских учебных заведений Великого княжества Финляндского в состав Санкт-Петербургского учебного округа. В результате исследования автор приходит к выводу, что включение русских учебных заведений в состав столичного учебного округа было вызвано комплексом причин – финансовыми, политическими, а не только образовательными (на которые чаще всего обращают внимания исследователи). Также в статье сделан вывод о том, что данный процесс был законодательно оформлен в серии указов 1883–1884 г., однако подготовка началась раньше – в 1881 г.

Великое княжество Финляндское, Санкт-Петербургский учебный округ, Министерство народного просвещения, Александр III, финноманы, свекоманы, учебный округ.

В современной отечественной историографии история русских учебных заведений в Великом княжестве Финляндском начала привлекать внимание исследователей. В статьях В.И. Мусаева [18, с. 48–56; 19, с. 338–347; 20, с. 240–260] подробно проанализирована история русских школ в данном регионе, а также разобраны вопросы их функционирования с Финляндскими органами власти. В.А. Шеншина [34, с. 6–16] провела исторический анализ развития русских школ от вхождения Финляндии в состав России (1809 г.) до их закрытия советской властью (1939 г.). В 2021 г. вышел сборник документов «Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.» в трех томах. Однако история русских школ в данном регионе сведена до одного абзаца. Имеется лишь упоминание о том, что русский язык учился в качестве иностранного [28, с. 31]. Несмотря на научную значимость указанных исследований, в них не анализировалась история и причины включения русских учебных заведений в Великом княжестве Финляндском в состав Санкт-Петербургского учебного округа. В статьях В.И. Мусаева была предпринята попытка решить данную проблему, однако все заканчивалось простым перечислением фактов и причин (прежде всего образовательной и финансовой) [18, с. 51–52; 19, с. 342–343; 20, с. 242, 246].

Автор исследования выдвигает гипотезу о том, что включение русских учебных заведений нужно анализировать как комплекс причин. Первая причина – образовательная, которая подробно проанализирована в статье В.И. Мусаева «Организация школьного дела в автономной и независимой Финляндии» [20,

с. 240–260]. Основной вывод автора состоит в том, что русские чиновники, купцы и армейские офицеры отдавали своих детей в шведские и финские средние учебные заведения и пансионы, так как многие из них не могли обеспечить обучение детям в Санкт-Петербурге или единственной мужской и женской русской гимназии в Гельсингфорсе, где обучение русскому языку велось в малом количестве или его не было [20, с. 241–243, 260]. Разделяя выводы автора относительно учебной части, необходимо отметить, что вывод В.И. Мусаева не до конца отражает причины включения русских учебных заведений. Здесь необходимо добавить, что П.В. Аршаулов был директором русских училищ Великого княжества Финляндского, а также главой Александровской мужской гимназии в Гельсингфорсе. Функции директора училищ региона были похожи на некоторые обязанности окружного инспектора учебного округа Российской империи, которого не было назначено для контроля над учебными заведениями. Вторая причина – финансовая. Она была связана с строительством нового здания для Александровской мужской гимназии и взятыми на это кредитами у Финляндского Сената, которые самостоятельно учебное заведение не могло выплатить. Третья причина – политическая, которую автор исследования считает наиболее важной. Она состояла в попытке государства вмешаться в борьбу общественно-политических направлений региона – финноманов и свекоманов. К данным движениям можно применить термин «Романтический национализм», под которым понимается «...прославление нации (определяемой в ее языке, истории и культуре)

как вдохновляющего идеала для художественного самовыражения» [40, р. 28]. Приведенные причины позволят проанализировать возникновение законов 1883–1884 гг., которые включили русские учебные заведения в Финляндии в состав столичного учебного округа.

История финноманского движения подробно рассмотрена в трудах Д.Е. Колесникова [4–7]. В них анализировалось зарождения и развитие финноманского движения в Великом княжестве Финляндском, влияние российской политики на данное движение. Также, Колесников пришел к выводу, который поддерживается и развивается автором исследования: «...неопределенное положение Финляндии в составе Российской империи явилось предпосылкой для возникновения в 1880-х гг. оживленной дискуссии о ее государственно-правовом статусе» [7, с. 111]. Анализируя историографию по свекоманскому движению, необходимо отметить следующих авторов: А.М. Деметьева [2, с. 28–35]; Д.В. Ковальов [3, с. 28–35]; О.С. Куцобу и Д.Е. Колесникова [8, с. 81–91]. Они проанализировали: причины зарождения данного движения, лидеров и их взгляды, борьбу с финноманами, влияние движения на историю Финляндии.

Анализируя зарубежную историографию, необходимо выделить труд финских историков О. Юссила, С. Хентилиа и Ю. Невакиви [36]. Описывая историю Финляндии в период правления Александра III, авторы пришли к выводу, что Российская империя через образование хотела провести политику «русификации» Финляндии (Там же, с. 87). Однако в книге нет упоминаний о русских школах в данном регионе. В работе «История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты» историка К.Х. Мейландера [17] проанализированы: история Финляндии во второй половине XIX в., общественно-политический конфликт финноманов и свекоманов. Также автор книги исследовал зарождение и развитие финноманского движения и его влияния на все стороны жизни, в том числе и образование (Там же, с. 118–119). В статье финского историка Туомо Олкконена [41] подробно проанализированы следующие вопросы: зарождение свекоманского движения, их программа, а также названия газет, через которые они распространяли свои идеи; процесс раскола финноманов на старофиннов и младофинов. Для исследования представлял интерес вопрос развития образования на местном языке в 1870-е гг., а также его развитие в период правления Александра III. В статье «История образовательных реформ в Финляндии» [37] Ари Антигенен и Анна Питканен, изучая историю образования в данной стране, сосредоточили свое внимание на событиях конца XX в., кратко освещая становление финского образования в середине XIX в. (Там же, р. 3). Анализ зарубежной историографии показывает, что финские историки мало обращают внимания на историю образования в период правления Александра III или не упоминают русские учебные заведения вовсе. История образования для них вписывается в противостояние двух общественно-политических направлений – финноманов и свекоманов, с упором на первых.

В 1860–1880-е гг. в Финляндии происходит ряд реформ, важных для истории данного региона, но и положения русских школ: а) становление народной

системы образования законом от 1866 г., его суть состояла в том, что: 1) дети в селах учились начаткам образования дома, если они не могли это осуществить, тогда дети могли посещать передвижные школы; 2) каждому церковному приходу можно было открывать для детей от 10 до 14 лет не только передвижные, но и постоянные школы (другое название – «высшая» народная школа), которые должен был содержать пастор и местная община; б) постепенное продвижение финского языка как государственного на территории Великого княжества; г) рост народных и ремесленных школ, библиотек и чтений, в которых использовался финский язык; д) открытие шведских учебных заведений и просветительских обществ, как противовес росту таких же финских заведений; е) возникновение дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии в составе Российской империи [1, с. 130–134; 7, с. 111; 9, с. 206–212; 21, с. 737–738; 22, с. 156–157; 23; 28, с. 31; 41]; ж) закон от 23 августа 1883 г., по которому проводилась реформа учебных заведений Финляндии. Данный закон стал «яблоком раздора» в финском обществе, так как допускался выбор изучения языков для финских и шведских учащихся (английский, греческий, латинский, немецкий, русский, французский). Однако, на наш взгляд, «каменем преткновения» могло стать то, что обучение велось на двух языках региона – шведском или финском (в зависимости от выбора родителей и учеников), на что обращалось внимание в русской периодической печати [21, с. 740; 27, с. 465–466]; з) два постановления 1880-х гг.: 1) все финляндские суды и должностные лица были обязаны выдавать акты на финском, если лица в своих жалобах пользовались данным языком; 2) документы и официальные извещения должны были издаваться и публиковаться на финском; протоколы собраний общин печатались на двух языках; богослужение могло вестись на том языке, на котором были напечатаны книги [21, с. 742].

Указанные изменения не могли не сказаться на росте двух общественно-политических организаций в местном обществе – сторонников финского (т.н. «Финноманов»¹) и шведского (т.н. «Свекоманы» или «Либеральная партия»²) [3, с. 30; 36, с. 78–79; 39] языка и культуры. Для исследования необходимо провести анализ их требований в области языка и образования, а также проследить, как это могло повлиять на их политические взгляды.

Финноманы считали, что доминирующим в регионе и образовании должен стать местный язык. Для реализации своих взглядов, с 1860-х гг. они старались использовать институт генерал-губернатора региона, кафедру финского языка при Гельсингфорском университете, а с 1880-х гг. свою власть в Сейме и Сенате (например, глава движения Ирё-Коскинен в 1882 г. был назначен в Сенат [41]). Также росту данного движения способствовала их деятельность в области образования. В 1858 г. в городе Ювяскюля (Йювяскюля) была создана и 1 августа 1863 г. открыта пер-

¹ Идеальным создателем был Ю.В. Снельман. В 1880–1890-е гг. лидером движения был профессор истории Ю.С. Ирё-Коскинен.

² В 1860–1880-е гг. активными сторонниками данного направления были А.О. Фреуденталь и Леопольд Мехелин.

вая средняя школа с обучением на местном языке – финноязычный лицей. В 1860–1870-е гг. они основали «Общество народного просвещения», создавали народные школы (которых на 1881/1882 учебный год будет 502), клубы и Финский театр, которые проводили чтения на финском языке [1, с. 130–134; 7, с. 138; 21, с. 737, 741; 22, с. 155–156; 28, с. 31–32; 36, с. 81]. Указанные действия в образовании и языке могли стать одной из причин того, что к началу правления Александра III финноманы начали выдвигать политические требования автономии региона в составе империи, что привело к их расколу на старофиннов – сторонников взаимодействия с российской монархией и младофиннов – пассивное сопротивление попыткам русского правительства ограничить финскую автономию.

Свекоманы считали, что шведский язык являлся символом связи Финляндии с другими Скандинавскими странами, а также принадлежностью к европейской культуре. В связи с этим сторонники данного движения требовали уравнивания шведского языка в правах с финским и не подвергать его дискриминации, в том числе, в образовании [28, с. 30, 32; 36, с. 78–81]. К началу 1881/1882 учебного года большее количество народных школ, где преподавался шведский язык, были в следующих губерниях региона: Або-Бьернеборгская, Вазаская, Выборгская, Нюландская и Улеаборгская [21, с. 738]. Несмотря на скромные требования в образовании и языке, стоит отметить, что из шведов состояла большая часть финской интеллигенции. Они занимали главенствующие позиции в административном и учебном управлении. Примером может являться то, что высшее образование в Финляндии велось только на шведском языке до середины XIX в. Также аргументом может служить предложение Александровской мужской гимназии от 1882 г. вести финский язык на шведском. Мотивировалось это тем, что финский язык будут учить ученики, которые не только будут поступать в местные учебные заведения, но и которые сначала владели шведским [12, л. 19–20; 21, с. 740–741, 745–746], а также тем, что, несмотря на реформу среднего образования 1883 г., в которой предполагался широкий выбор изучения языков, в системе среднего образования Великого княжества Финляндского доминирующими (по численности учеников и по количеству учебных заведений) оставались представители шведов. С опорой на представленный материал, можно заметить, что, не смотря на рост финноманского движения в период 1860–1880-х гг., и постепенный спад влияния свекоманов в вопросе образования, они умело пользовались теми привилегиями и правами, которые у них сохранились к началу правления Александра III, чтобы сохранить свое влияние. В период 1881–1894 гг. свекоманское движение станет сугубо политическим, призывая к децентрализации власти и установлению конституционной монархии [3, с. 31–34].

Приведенные данные могут показать, что политика России была направлена на то, чтобы воспользоваться движением финноманов как средством для ослабления влияния шведского языка и культуры в регионе, а затем заменить последний язык русским. Данный тезис находит подтверждение в работе Д.Е. Колесникова, который указывает на то, что со

времен Николая I, Россия пыталась использовать финноманское движение в своих интересах и ограничить его в рамках языка и культуры. Однако такая поддержка привела к тому, что финноманы начали выдвигать политические требования об автономии региона в составе империи. Данный процесс начнется при Александре III и будет развиваться при его сыне – Николае II [7, с. 123–124, 127, 137–138, 143, 157]. Другим аргументом может служить труд финского историка Хенрика Мейнандера «История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты». В нем прямо указывается на то, что русская власть хотела заменить шведский русским и сделать последний языком финского общества [17, с. 107].

Приведенный выше анализ может указывать на то, что среди политических причин включения русских учебных заведений Финляндии в ведомство Министерства народного просвещения могли стать: активная борьба двух общественно-политических направлений в регионе, которая могла сказаться на том, какой язык преподавания будет доминировать во всех учебных заведениях региона (в том числе и в русских); отделить или «обособить» русские учебные заведения от данных направлений. При такой активной общественно-политической жизни в Финляндии возникает вопрос: как осуществлялось образование русских подданных и были ли вообще учебные заведения для них?

В 1860–1880-е и в последующие десятилетия происходило активное открытие русских учебных заведений в Финляндии [24, с. 31; 31, с. 161]. Для управления ими, и прежде всего финансовыми вопросами, в 1872-м г. был создан Совещательный комитет по делам русских училищ в Финляндии и русское благотворительное общество. Основными целями и деятельностью общества, созданного 16 января 1872 г., были: оказание материальной помощи ученикам начальных и средних школ (пособия, учебные книги, одежда и обувь); с 1877 г. – «дамский кружок» общества занимался вспомоществованием бедных семейств; самостоятельное открытие и поддержка уже открытых русских народных училищ (примером может служить Свеаборгская начальная школа) [14, л. 11; 15, л. 3 об; 30, с. 133]. Исходя из поставленных целей и действий общества, можно проследить, что оно занималось важными задачами для русского населения в Финляндии, не опираясь на государственные субсидии, а больше на членские взносы. Однако интересно отметить, что журналист «Педагогической хроники», высоко оценивая работу данного общества (с чем также согласен автор исследования), выделил ситуации, которые, на его взгляд, показались странными и требовали общественной огласки или расследования: а) статья доходов «пожертвования нижних чинов»; журналист взял в пример 23-ю пехотную дивизию, расквартированную в Гельсингфорсе. Рядовые солдаты жертвовали дневной заработок от вольных работ по предложению командира К.К. Рейбница в кассу общества, т.к. он был активным участником организации; б) в составе общества было 449 членов, но была уничтожена категория «члены-должники», и благодаря этому количество членов к 1884 г. стало 335; в) казначей канцелярии генерал-губернатора Финляндского, а также совещательного комитета по делам

русских учебных заведений в Финляндии Каяндр (другое прочтение Каятдор) растратил 6000 руб., принадлежащих обществу, за что был посажен на восемь лет в смиренный дом [30, с. 133–134]. С опорой на представленный материал, можно сделать вывод, что, несмотря на указанные минусы, данная организация способствовала тому, что русские учебные заведения, до их момента включения в ведение Министерства народного просвещения, могли не только открываться, но и поддерживались в регионе, где происходила борьба фенноманов и свекоманов.

В педагогическом аспекте учебные заведения подчинялись директору русских училищ региона [20, с. 241; 23]. Данную должность занимал Павел Васильевич Аршаулов, который был также директором Александровской мужской гимназии в Гельсингфорсе. В его круг обязанностей, как главы русских училищ, входило: а) взаимодействие с совещательным комитетом по делам русских училищ в Финляндии (подготовка и отправка ежегодного отчета об состоянии училищ в регионе, общее информирование) и русским благотворительным обществом; б) решение следующих вопросов: финансирование народных школ региона; выдача свидетельств о работе учителям или директорам; одобрение или отклонение приобретения книг в библиотеки учебных заведений, а также прошений глав местных училищ об денежных наградах учителей [10, л. 1–2, 5 об., 9 об., 18 об.; 11, л. 1–1 об., 7–8, 16–17, 29–29 об.; 12, л. 1–2; 13, л. 1–3, 9–9 об.; 14, л. 2, 21–23, 28, 31, 36–37; 15, л. 1–9, 14 об.–15, 34]; в) получение отчетов от местных училищ, прежде всего о численности учеников и учителей, а также их сословном делении по процентам [10, л. 33; 13, л. 2–3, 34, 43, 51]. Анализ функций директора русских училищ может показать, что они были похожи на некоторые обязанности окружного инспектора учебного округа Российской империи [33, с. 36–39], которого не было представлено для русских учебных заведений Финляндии. На наш взгляд, это могло стать одной из образовательных причин того, почему генерал-губернатор Финляндии Ф.Л. Гейден пытался передать русские учебные заведения в ведомство Министерства народного просвещения. Также образовательными причинами могли стать: а) состоятельные родители старались отправить обучаться своих детей в Санкт-Петербург, так как могла появиться возможность поступить на государственную службу или найти высокооплачиваемую работу; дети чиновников, купцов и армейских офицеров, которые не могли позволить обучение в городах России, воспитывались в шведских и финских заведениях (где мало или вовсе не преподавались русский язык, география и история, однако данные учебные заведения давали шанс поступить в местные высшие учебные заведения); б) подчинение законодательству Финляндии, прежде всего – главному школьному управлению Финляндии, если русские учебные заведения открывались не по инициативе дирекции русских училищ, например, такими учебным заведением были Красносельская и Выборгская народные школы [11, л. 23–24; 15, л. 14 об.–15; 20, с. 243–246].

Финансовая причина могла стать постройкой здания для Александровской мужской гимназии в Гельсингфорсе. В 1882 г. решением государственного со-

вета Российской империи данное учебное заведение получило в собственность здание (деревянный дом) наследников Т.И. Табуновой, за которое оно должно было выплатить деньги. Директор Александровской гимназии А.П. Аршаулов в письме совещательному комитету по делам русских училищ в Финляндии от 18 марта 1882 г. № 65 сообщал, что заведению не хватает финансов, и оно было вынуждено сделать заем в 37 000 финских марок на выплату за здание Табуновых. В связи с этим, как указывал Аршаулов, постройка каменного здания для гимназии была невозможна [11, л. 1 об.–2]. В ответ на такое положение председатель прихода Гельсингфорского православного Успенского собора протоирей В. Глебов предложил генерал-губернатору Ф.Л. Гейдену, чтобы Финский Сенат выделил на постройку каменного трехэтажного здания для гимназии 180 000 финских марок с условием того, что приходской дом (в котором и находилось здание учебное заведение) будет освобожден от залога, когда здание для учебного заведения будет построено (Там же, л. 3–3 об). Из сообщения совещательного комитета А.П. Аршаулову от 17 апреля 1883 г. № 49 становится понятно, что такое предложение было одобрено и деньги были выданы (Там же, л. 4). Возможной причиной включения заведения в ведение Министерства народного просвещения могло послужить то, что Ф.Л. Гейден рассчитывал на государственную поддержку деньгами для выплаты такой суммы, если у Александровской мужской гимназии не хватит собственных финансов. Однако данная гипотеза требует дальнейшего исследования.

В 1881 г., по инициативе генерал-губернатора Финляндии Ф.Л. Гейдена, был начат процесс включения русских учебных заведений в подчинение Министерства народного просвещения для педагогического надзора. Стоит отметить, что изначально предполагалось передать в ведение Министерства только три учебных заведения: Гельсингфорские русские гимназии (Александровскую мужскую и Мариинскую женскую) и Выборгское начальное училище. Министр народного просвещения А.П. Николаи был не против такого предложения, однако он считал важным получить мнение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Ф.М. Дмитриева, без которого данный процесс не мог состояться, и запросил его мнение (Там же, л. 16–16 об.). Глава округа также не был против предложения Гейдена и был согласен на требования, который он выставил: хозяйственный комитет русских учебных заведений оставался в ведении совещательного комитета по делам русских училищ в Финляндии; в Мариинской женской гимназии должен быть сохранен курс устава женских гимназий ведомства учреждений императрицы Марии, утвержденный для нее в 1880 г. Однако администрации учебного округа заинтересовалась рядом вопросов: на сколько организация Александровской мужской гимназии отличается от устройства таких же заведений в империи; численность в княжестве русских начальных училищ; есть ли основание предполагать, что они увеличатся. Оправдывалось округом это так: «...от этих сведений зависит, между прочим, разрешение вопроса, будут ли достаточны средства округа для надзора за училищами» (Там же, л. 16 об.–17). Данное замечание ценно тем, по штату 1863

г. на Санкт-Петербургский учебный округ предполагалось три окружных инспектора и их числа не хватит для осмотра учебных заведений региона. Соглашаясь с замечаниями главы округа, А.П. Николаи просил дать разрешение Ф.Л. Гейдена на командировку главы Санкт-Петербургского учебного округа с окружным инспектором в Великое княжество Финляндское. Оно было получено 29 января 1882 г. После этого, как можно понять из бумажной переписки, начался сбор сведений попечителем учебного округа первичных данных: проектов учебных штатов заведений и их количества, списка учителей и т.п. [11, л. 19–24].

15 марта 1883 г. император издал указ «О передаче русских учебных заведений в Финляндии в ведение Министерства народного просвещения и об усилении числа окружных инспекторов Санкт-Петербургского учебного округа» [25, № 1431, с. 80–81]. Помимо управленческих моментов, в документе описывалось, что Министерство народного просвещения, по соглашению с генерал-губернатором Финляндии, должно было составить проект правил о заведывании хозяйственной частью русских учебных заведений. Однако данный процесс затянулся до 1884 г.

Для того, чтобы: а) лучше ознакомиться с деятельностью совещательного комитета; б) осуществить переговоры с генерал-губернатором Финляндии о составлении новой инструкции управления русскими учебными заведениями для комитета; в) провести общую проверку русских учебных заведений, в январе – начале февраля 1884 г. попечитель столичного учебного округа Ф.М. Дмитриев и окружной инспектор Н.М. Аничков с разрешения Министра народного просвещения И.Д. Делянова отправились в Финляндию [29, л. 1; 32, с. 1135–1136]. Как указывалось выше, данная командировка была согласована в 1882 г., однако она была проведена только в 1884 г. Главной целью поездки было соглашение с генерал-губернатором относительно хозяйственной части русских учебных заведений в Финляндии. С опорой на выписку из журнала заседания совещательного комитета по делам русских учебных заведений в Финляндии от 30 января – 11 февраля 1884 г., мы можем констатировать, что именно в этот период представители столичного учебного округа: ознакомились с инструкцией совещательного комитета при генерал-губернаторе для заведывания хозяйственной частью русских учебных заведений от 1879 г.; внесли изменения и дополнения, так как в комитет включался окружной инспектор как представитель педагогов данных учебных заведений и представитель столичного учебного округа³; комитет единогласно согласился с мнением попечителя о том, что совещательный комитет должен продолжать свою деятельность; отправили измененную инструкцию на утверждение генерал-губернатора Финляндии и Министра народного просвещения [16, л. 9–10; 29, л. 2 об.]⁴. Исходя из этого,

можно сделать вывод, что Ф.М. Дмитриев достиг целей: ознакомился с деятельностью совещательного комитета и составил новую инструкцию для управления русскими учебными заведениями. Однако во время осмотра русских учебных заведений глава учебного округа сделает ряд замечаний, которые станут основой для изменения состава совещательного комитета на уровне законодательства. Дмитриев отмечал, что русские учебные заведения мало кто ревизировал из «власти»⁵, так как они находились в ведении генерал-губернатора Финляндии. Также глава округа заметил, что многие преподаватели не имели права на осуществление своей деятельности; директор Гельсингфорской Александровской мужской гимназии осматривал русские учебные заведения в регионе только два раза в год [29, л. 4 об.–5, 7 об.–8, 14, 17 об.]; совещательный комитет создавался из лиц, выбранных генерал-губернатором, и действовал от его имени [35, с. 502–503]. По мнению Ф.М. Дмитриева, данные недостатки требовали изменения (с этим был согласен и Министр народного просвещения

И.Д. Делянов), но он выступал за то, что необходимо сохранить совещательный комитет, только в измененном виде (включить в его состав окружного инспектора⁶), а также сохранить его хозяйственную деятельность для русских учебных заведений в регионе [32, с. 1134–1138]. Помимо этого, глава учебного округа должен был осмотреть учебную часть образовательных заведений, однако, как отмечал Дмитриев, он сделал это «...в короткий срок...» и учебный персонал заведений «...совершенно неизвестен и прежняя постановка школ не ясна...» [29, л. 2–2об.]. С опорой на представленный отчет и замечания попечителя, Министр народного просвещения представил проект «Порядок заведывания хозяйственной частью русских учебных заведений в Финляндии» в департамент государственной экономии и законов Государственного совета от 10 мая 1884 г. [32, с. 1134–1142]. На взгляд автора, важно отношение Государственного совета к данному вопросу. Он указывал, что его задача должна ограничиться «...единственно узаконением своеобразного заведывания хозяйственной частью русских учебных заведений в Финляндии, в отличии от существующего в этом отношении в Империи общего порядка» (Там же, с. 1134–1135). С опорой на вышеуказанный материал, 6-го ноября 1884 г. было подписано высочайше утвержденное мнение государственного совета «О порядке заведывания хозяйственной частью русских учебных заведений в Финляндии» [26, № 249, с. 513]. Согласно документу, хозяйственная часть заведений временно остается в заведывании совещательного комитета по делам русских учебных заведений (под председательством генерал-лейтенанта А.Л. Гагемейстера), состоящего при местном генерал-губернаторе (Ф.Л. Гейден). Состав и действия данного комитета определяла не только местная власть, но и Министерство народного просвещения. Именно данный документ ознаменовал полный переход рус-

³ В журнале заседания комитета не указано, какие именно изменения и дополнения были сделаны.

⁴ Возможно, что опубликованная инструкция совещательного комитета в циркуляре попечителя Санкт-Петербургского учебного округа была одобрена на заседании комитета и отправлена на утверждение с замечанием попечителя округа. См. подробнее: [35, с. 510–515].

⁵ Что под этим понимал глава округа, в отчете не указано.

⁶ В совещательный комитет от столичного учебного округа будет назначен окружной инспектор Ф.Ф. Гельбке.

ских учебных заведений в Финляндии в состав Министерства народного просвещения и включение их в столичный учебный округ.

Подводя итог анализу причин включения русских учебных заведений Финляндии в ведение Министерства народного просвещения, а также рассмотрев, как происходил данный процесс, мы можем рассматривать данное явление не только как улучшение управления русскими учебными заведениями, но и как один из инструментов политики Российской империи в Великом княжестве Финляндском. Автором было указано, что рост движения фенноманов с точки зрения государства был идеальным политическим средством для нескольких целей: а) убрать шведский язык в Финляндии, активно поддерживая движение фенноманов, б) не допустить роста финского языка и местного самосознания, а для этого необходимо заменить шведский язык русским [36, с. 85–88]. Однако необходимо учитывать образовательные и экономические причины, которые также играли немаловажную роль в данном процессе. Таким образом, мы можем увидеть, что передача русских учебных заведений Финляндии в состав столичного учебного округа была продиктована комплексом причин, среди которых нельзя отдавать первенство какой-то одной.

Анализ истории включения учебных заведений в состав столичного учебного округа показывает нам, что процесс, который начался в 1881 г., был законодательно оформлен рядом правительственных постановлений 1883–1884 гг. В данном процессе немаловажную роль сыграла поездка попечителя столичного учебного округа Ф.М. Дмитриева и окружного инспектора Н.М. Аничкова, которая показала реальное положение и состояние русских школ в данном регионе и смогла повлиять на то, что местная специфика управления данными учебными заведениями в регионе будет сохранена.

Это показывает гибкость и прагматизм правящей элиты государства, которая понимала особенность Финляндии, ее устройства и общества. Также это может указывать на то, что Государственный совет не собиравшись разрушать систему управления образования, которая существовала в регионе, а пытался видоизменить ее. С другой стороны, данный факт можно отнести к тому, что государство попыталось создать стройную систему управления русскими учебными заведениями в регионе с целью приведения их к единым имперским стандартам, а также возможностью не только контроля над финансовыми и учебными вопросами, но и их консолидацией вокруг совещательного комитета для сохранения и развития русских школ в регионе и возможностью их роста. Автор работы придерживается данной трактовки указанного факта, однако данное утверждение требует дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. Абрамов, Я. В. Подготовка учителей средних учебных заведений в Финляндии / Я. В. Абрамов // Русская школа. Педагогический журнал для школы и семьи. 1891. – № 7–8. – С. 130–134.
2. Дементьева, А. М. Борьба между Свекоманами и Фенноманами как импульс для начала исследования швед-

ского языка в Финляндии / А. М. Дементьева // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2016. – № 4. – С. 28–35.

3. Ковальов, Д. В. Зарождение и развитие свекоманской оппозиции в Великом княжестве Финляндском / Д. В. Ковальов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2017. – № 2. – С. 28–35.

4. Колесников, Д. Е. Фенномания как система взглядов / Д. Е. Колесников // Общество. Коммуникация. Образование. – 2010. – № 111. – С. 177–182.

5. Колесников, Д. Е. Феннофильское культурное течение как идейный исток фенномании / Д. Е. Колесников // Общество. Коммуникация. Образование. – 2018. – № 1. – С. 7–13.

6. Колесников, Д. Е. Деятели культурной фенномании и их вклад в финское национальное движение / Д. Е. Колесников // Управленческое консультирование. – 2018. – № 3 (111). – С. 127–131.

7. Колесников, Д. Е. Становление фенноманского движения в Великом княжестве Финляндском (1810-е – начало 1860-х гг.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Колесников Дмитрий Евгеньевич. – Санкт-Петербург, 2020. – 179 с.

8. Куцова, О. С. Положение шведского языка в Финляндии (исторический аспект) / О. С. Куцова, Д. Е. Колесников // Россия в глобальном мире. – 2021. – № 21 (44). – С. 81–91.

9. Леонтьев, П. Гельсингфорское совоспитательное училище / П. Леонтьев // Русская школа. Педагогический журнал для школы и семьи. – 1891. – № 1. – С. 206–212.

10. Ленинградский областной государственный архив (ЛОГ АВ). Ф. 314. Оп. 1. Д. 3.

11. ЛОГ АВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 15.

12. ЛОГ АВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 17.

13. ЛОГ АВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 27.

14. ЛОГ АВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 35.

15. ЛОГ АВ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 37.

16. ЛОГ АВ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 1.

17. Мейнандер, Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты : перевод со шведского / Хенрик Мейнандер. – Москва : Весь Мир, 2008. – 248 с.

18. Мусаев, В. И. Финляндская независимость и «Дерусификация» Финляндии / В. И. Мусаев // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы Десятой ежегодной международной научной конференции (Санкт-Петербург, 16–17 апреля 2008 г.) / под редакцией В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 48–56.

19. Мусаев, В. И. Карельский перешеек как центр русской культурной и духовной жизни в Финляндии / В. И. Мусаев // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы Десятой ежегодной международной научной конференции (Санкт-Петербург, 16–17 апреля 2008 г.) / под редакцией В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 338–347.

20. Мусаев, В. И. Организация школьного дела в автономной и независимой Финляндии / В. И. Мусаев // Культура России и международные отношения: к 1150-летию российской государственности / под редакцией И. Д. Осипова, С. Н. Погодина. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 240–260.

21. Народное образование в Финляндии // Педагогическая хроника, ежемесячное прибавление к журналу «Семья и школа». – 1886. – № 9–10. Ноябрь – декабрь. – С. 735–749.

22. Начальное образование в Финляндии (факты и цифры) // Русская школа. Педагогический журнал для школы и семьи. – 1890. – № 4. – С. 155–157.

23. Новоселова, З. А. История образования Выборга / З. А. Новоселова. – URL: <http://vvyborg.ru/istoriya-obrazovaniya-v-vyborg> (дата обращения: 06. 07. 2022). – Текст : электронный.

24. Педагогические вести из России // Педагогический листок «Задуманного слова». Иллюстрированный журнал воспитания и обучения. Бесплатное приложение к журналу «Задуманное слово». Год I. – № 3 – 4. Январь – февраль. – Санкт-Петербург, 1887. – С. 31.
25. Полное собрание законов Российской империи : Собрание 3-е. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1886. – Т. III. – 998 с.
26. Полное собрание законов Российской империи : Собрание 3-е. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1887. – Т. IV. – 1257 с.
27. Реформа учебных заведений в Финляндии // Педагогическая хроника. Еженедельное прибавление к журналу «Семья и школа». – Санкт-Петербург. – № 29–30. – 1–8 октября. – С. 465–466.
28. Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг. Сборник документов. В 3 томах. Том 1. От автономии к противостоянию: 1899 – 1908 гг. / ответственный составитель М. В. Зеленев. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – 1006 с.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 194. Д. 415.
30. Русское благотворительное общество в Финляндии // Педагогическая хроника. Еженедельное прибавление к журналу «Семья и школа». – Санкт-Петербург. – № 9. – 25 апреля 1884 г. – С. 133–134.
31. Русские школы в Финляндии // Вестник воспитания. Научно-популярный журнал для родителей и воспитателей. – 1890. – № 4. – С. 161.
32. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 9. Царствование императора Александра III. 1884 г. – Санкт-Петербург : типография Высочайше утвержд. товарищ. «Общественная Польза», 1893. – 1352 с.
33. Трофимов, И. А. Окружные инспектора Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III / И. А. Трофимов // Интеллигенция и мир. – 2023. – № 2. – С. 31–49.
34. Шеншина, В. А. Русские школы в Финляндии 1809–1939 гг. и гимназия имени Святителя Алексия на Карельском перешейке / В. А. Шеншина // Педагогика и психология образования. – 2009. – № 2. – С. 6–16.
35. Циркуляр попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. – 1884. – № 12.
36. Юссилла, О. Политическая история Финляндии, 1809–2009 / О. Юссилла, С. Хентия, Ю. Невакиви ; [перевод, предисловие Ю.С. Дерябина]. – [2-е изд.]. – Москва : Весь Мир, 2010. – 471 с.
37. Antikainen, A. A history of educational reforms in Finland / Ari Antikainen, Anne Pitkänen // Educational Reform in Europe: History, Culture, and Ideology. January 2014. – Charlotte, NC : Information Age Publishing. – P. 1–24.
38. Det Liberala partiets program. – URL: <https://www.fsd.tuni.fi/pohtiva/ohjelmalistat/LP/316> (дата обращения: 05.07.2022). – Text : electronic.
39. Language interest : Finnish. Encyclopedia of Romantic Nationalism in Europe. – URL: <https://ernie.uva.nl/viewer/p/21/56/object/122-159944> (дата обращения: 14.11.2022). – Text : electronic.
40. Leerssen, J. Notes toward a Definition of Romantic Nationalism / J. Leerssen // Romantik: Journal for the Study of Romanticisms. – 2013. – Vol. 2, № 1. – P. 9–35.
41. Tuomo Olkkonen. Vikingen: ruotsalaisuusliike astuu esiin. – URL: <https://sanavapauteen.fi/artikkeli/2818> (дата обращения: 21.10.2023). – Text : electronic.

I.A. Trofimov

REASONS AND HISTORY OF THE MERGER OF RUSSIAN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE GRAND DUCHY OF FINLAND WITH ST. PETERSBURG EDUCATIONAL DISTRICT DURING THE REIGN OF ALEXANDER III

The history of formation of Finland as part of the Russian Empire is examined in domestic historiography in detail. However, the study of the history and reasons for including Russian educational institutions of the Grand Duchy of Finland into the St. Petersburg educational district during the reign of Alexander III has not become the subject of special research. The article examines and systematizes the reasons, as well as the history of the inclusion of Russian educational institutions of the Grand Duchy of Finland in St. Petersburg educational district. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the inclusion of Russian educational institutions in the capital's educational district was caused by a complex of reasons – financial, political, but not just educational (which are most often paid attention to by researchers). The article also concludes that the process was legislatively formalized in a series of decrees in 1883–1884, but the preparations began earlier, in 1881.

The Grand Duchy of Finland, St. Petersburg educational district, Ministry of Public Education, Alexander III, Fennomans, Svekomans, educational district.